

Мыльная опера нищих

Так уж случилось, что несостоявшийся диалог кинематографистов с первым лицом страны на минувшей неделе аукнулся в программе Владимира Кара-Мурзы «Свидетель века».

Юрий БОГОМОЛОВ

В роли свидетеля достопамятной встречи Хрущева с творческой интеллигенцией выступил художник Борис Жutowский. Вместе с автором программы он напомнил о том, что мы более или менее хорошо знаем: как страна на рубеже 50—60-х годов жила ожиданиями демократизации общественной жизни, как мастера культуры тешили себя надеждами на ослабление идеологических вождей... И как все это враз кончилось — стоило первому лицу посетить выставку в Манеже и посмотреть работы Жutowского, Неизвестного и других художников, считавшихся авангардистами.

Борис Жutowский выдвинул версию, что это была провокация чистой воды со стороны нехорошего окружения Хрущева. Ее целью стало намерение поссорить мастеров культуры с их надеждой и опорой. Чтобы Хрущев рассердился на интеллигенцию и чтобы интеллигенция обозлилась на Хрущева. И чтобы последняя не слишком загоревала, когда Первого отправят в отставку. План этот кажется слишком тонким, чтобы в него поверить, как в план. Скорее всего, та ссора случилась на рефлекторном уровне, а ее причина залегала на уровне генетическом.

Мыльная опера о взаимоотношениях мастеров культуры и российской власти корнями уходит в советский строй. Октябрь породил иллюзию, правда, очень хрупкую, что эти отношения могут быть равными, братскими или, на худой конец, товарищескими. Товарищ Правительство решает проблемы материального развития, а товарищ Искусство занимается вопросами духовного возрождения.

Авангардисты-художники уважали авангардистов-политиков, то есть большевиков, но отводи-

ВИКТОР АХЛОМОВ

Художник Борис Жutowский свидетельствует

ли им второстепенную роль. Председателем земного шара провозгласил себя поэт. Вождь мирового пролетариата, при всем к нему уважению, мог рассчитывать на должность вице-премьера (по хозяйственным вопросам) Совета народных комиссаров.

Жизнь, однако, поправила мечты властителей высоких дум. Товарищ Правительство указало товарищу Искусству на его место, и началась эпоха служения талантливых мастеров культуры. Неталантливых — особенно. Разница состояла в том, что одни из них, молясь, разбивали лоб, а другие исхитрились сохранить его в относительной целостности.

К 60-м культура вроде уж совсем смирилась со своим зависимым положением, но тут случилась оттепель, и подавленный было инстинкт самоценности дал о себе знать. Притом не на кухне дома, а в непосредственной близости от Кремля, в престижном Манеже. То есть на миру, при стечении публики, при явлении народу товарища Правительства.

В свидетельстве Бориса Жutowского показателен мотив вызова тогдашнему председателю земного шара — Никите Хрущеву. Ведь они, гордые и самодостаточные художники, переживали миг встречи с кремлевскими олим-

пийцами как некий момент истины. Хрущев со свитой уже покидал выставочный зал, когда выскочил скульптор Эрнст Неизвестный и, по свидетельству Жutowского, потребовал, чтобы глава государства посмотрел и его работы.

Из сегодняшнего далека хочется спросить тогдашнего авангардиста: «Зачем ему нужно было начальственное внимание?» Материальный интерес отбрасываем как не имеющий в данном случае никакого отношения к делу. Ему нужно было начальственное признание? Так это еще хуже. Так это самый верный симптом нездорового закомплексованности культуры.

...Случай с кинематографистами особенно показателен. Снова едва ли не самый значимый мотив в их отношениях — обида мастеров культуры. Вот этот стон короля нищих кинематографистов Никиты Михалкова — «власть с нами не хочет разговаривать» с поднятием указательного пальца вверх — особенно показателен. Главное не в том, что решит или решил новый председатель земного шара. Пусть он нас хоть в бараний рог согнет, но пусть перед этим окажет нам уважение.

Это та самая гордыня свободного художника, что паче уничижения.